

Софья Стасевич

Не произошло

Софья Константиновна Стасевич

Не произошло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70437094

SelfPub; 2024

Аннотация

Кто они? Только внешность? За что можно полюбить человека? А за что возненавидеть? И вообще, что такое любовь? Они думают, что познали истинные чувства, а не видят дальше своего носа. Но сколько можно будет приобрести, когда придет время его лишиться?

Софья Стасевич

Не произошло

“Вопрос за вопросом и ни одного ответа, – надо было тогда завершить начатое... – он вспомнил, как в двенадцать лет нашел пистолет своего отца, приставил его ко лбу, снял с предохранителя и перевел палец на спусковой крючок – о, если бы тогда хватило сил!”

Иллюзия

Мы познакомились около семи лет назад. И историю этого знакомства я не помню совершенно. Все начинается с моих стихов к нему. Где же мы встретились? В Париже? Может в Марселе? В Москве? В моих воспоминаниях мы всегда знали друг друга. Мы существовали взаимным пылким чувством, бесконечной нежностью и желанием начать жить за нашу любовь. Я была готова броситься в жерло вулкана, лечь рядом с ним под трамвай, слушать его ворчание, целовать его слезы, танцевать для него, лишь бы не скучал. Он тоже бесконечно меня любил. Он был проще меня, легче – мало было в нем цвета и поэзии, все больше мрака, томной мысли, но рядом со мной он иногда улыбался. Вообще-то мы нико-

гда не были по-настоящему счастливы, часто бывали почти, но в полной мере – никогда.

Никто не помнил, как мы познакомились.

Точка, которую я приняла за правило считать началом нашей истории, письмо, полученное в мои шестнадцать, от неизвестного. Мучительные описания попыток заснуть, тягостные три дня и три ночи, страдающего от страсти к спиртным напиткам человека...

Я открыла окно. Теплый летний, слегка душноватый воздух ударил мне в лицо. Я распаковала загадочное письмо. Оно пахло терпким благородным шипром. Шероховатая бумага мягко шелестела под моими мокрыми от предвкушения пальцами, проваливаясь под их давлением.

«Здравствуй. Пусть тебе не кажется странным мое письмо. Ты меня обязательно вспомнишь, но пока что этого не требуется. Посмотри в зеркало и ты меня сразу узнаешь. Я скучаю здесь. Что же мне делать без тебя – города уставились на меня, стоглазые, скалятся, и машут рукой, кивают и отталкивают. Глаза мои горят, и руки мои пусты... Не думай, я не сумасшедший, пройдет время, и ты поймешь.»

Буквы пролетали перед моими глазами, складывались в слова, слова в предложения, но я ничего не понимала. Письмо положила под подушку, но забыть о нем не могла. Каждую ночь я проверяла его ощупью, рукой сжимала пододеяльник, успокаиваясь и засыпая, когда что-то шелестело в моем кулаке. Да, мне было хорошо; оно здесь, но было и беспокой-

но. Кто этот человек и откуда он? Тогда я этого не знала. А теперь лишь могу предполагать.

Но после его слов в зеркало я стала смотреть чаще. Я никогда не всматривалась так в свои черты: не ловила взглядом каждый волосок, каждую родинку, не разглядывала так внимательно горбинку на носу, не изучала подробно цвет своих глаз, припухлость губ, чрезмерную худобу лица. Он подарил мне себя. И я узнала в своем отражении красоту. Так я жила теперь: смотрела в зеркало, видела идеал; видела его, влюблялась. Но в кого? Неизвестно. За что? Непонятно.

Одиночество меньше всего одолевает тебя в моменты, когда ты одинок, и наоборот. У меня не было никого, только мое отражение и скомканное письмо под подушкой. Правда, были и мечты, даже надежды увидеть его уже не в зеркале. Дотронуться до его лица. Стук в дверь. Я замерла. Новое письмо. Лязг ключа в замочной скважине и снова терпкий запах желтоватой бумаги.

"Без тебя все тяжелее, дышать невозможно, думать невыносимо, без тебя нет и меня. Думай обо мне чаще, смотри в зеркало, люби меня; мои губы, мой нос, мои глаза. Смотри и знай, что я люблю твои руки и ноги, скулы и струящуюся по их контуру прядь волос."

Я стала смотреть на свои ноги – длинные и стройные. Руки – тонкие и изящные, от мраморных плеч до кончиков пальцев. Густые волосы вьются, подчеркивая правильный череп. Он знает меня, любит мои черты! Невыносимо, зная и чув-

ствуя, его не видеть.

Время шло. Иногда мне приходили письма. Я забывала о нем, но всегда с одинаково сильным трепетом разворачивала потрепанную бумагу. Часто мечтала о нашей встрече, забывая обо всем, безрассудно кидаясь к зеркалу высматривать форму своих бровей и измерять ширину лба. Я должна знать кого искать в толпе. И я видела его. Не раз. Иногда далекий незнакомец, но напостое в моем отражении. Я записала, как он выглядит два года назад, когда встретила его впервые, гуляя по Парижу.

«Высокий, худой, невероятно красивый. Он был похож на монумент Давида, сделанный из каррарского мрамора – светлая, ослепительно белая кожа, острые скулы, череп, словно точеный; длинный нос с искусной горбинкой и пухлые губы – точно вылепленные рукой самого Микеланджело.»

Спустя семь лет я читаю эти записи, честно, я не помню его внешности. Знаю, он казался мне красивым, но самой красоты не помню. Тогда мысль о нем заполняла мою душу, теплилась в моем сердце. Однажды он посмотрел на меня, когда я прогуливалась по центральной московской площади. Он узнал меня спустя столько лет. Подошел. Я иступленно глядела в его горящие глаза. Взяла его руку в свои две, странно сжала, чуть ли не до хруста. И в этот момент мое сердце вспыхнуло любовью к этому человеку. Он всегда спасал меня от одиночества. Каждый раз. Руки незнакомца хва-

тало, чтобы чувствовать себя под защитой; его взгляда, чтобы успокоиться. Единственная моя любовь, человек-статуя, монумент! Ты жил уже в древнейшие времена.

Я мало что помню, все было как во сне. Конечно, у него были свои причуды, он мог по несколько дней или месяцев не появляться совсем. Мы проводили вместе ночи, расходились, иногда вновь друг друга не узнавали, но всегда любили. Мне нравилось его рисовать, он фотографировал меня в одном белье. И все же здесь было мало пошлости, ведь мы горели страстью. Все до одного момента. Он и... другая женщина.

Разочарование

Ночной бульвар Праги. Я возвращаюсь в гостиницу темными переулками. Тротуар пересекает жирная зубастая крыса. Смотрит на меня так скалисто и страшно, убегает во мрак, куда боится проникнуть свет от фонарей. Ночную тишину разрезает веселый женский смех. Воняет абсентом. Спущенный чулок, отрывистые поцелуи, руки на бедрах. Рядом с ней тот, кто подарил мне себя. Он отдается другой женщине. Они смеются и трогают друг друга не только за плечи. Он не мое отражение больше. Или никогда им не был? С того момента он не посещал меня. Он исчез. Я ковырялась в памяти ножом, училась любить себя без его взгляда. Не искать в своем отражении его губ, его глаз, его носа. Рыдала от

жалости и одиночества. Шли месяца.

Очередная поездка. Провинциальный чешский городок. Курю на веранде небольшого ресторана, читаю газету. И тут вижу за ней неловкие мужские туфли. Поднимаю глаза от газеты пестрящей скучными новостями. Он... я больше не вижу его красоты. Его пухлые губы ссохлись в ниточку, густые волосы поредели и превратились в рыжеватую соломку, жилистое от накаченных мышц тело стало похоже на корягу, но это был он – некогда моя страсть. Мое отражение. Я боялась представить, как спустя несколько лет семейной жизни отважилась бы взглянуть ему в лицо. Как вся эта плоть предстала бы передо мной без защиты: непристойная, слюнявая, отталкивающая. В целом гадкая.

–Я тебя ненавижу, – выпалила я негромко и неразборчиво.

Он мало что понял, но его глаза задрожали от ужаса и непонимания. Он постарался притянуть меня к себе и поцеловать. Он не понимал, что противен мне. Не понимал, что он ужасен. Его руки искали моей живой руки, глаза смотрели на мои влажные губы, а мне было только противно. Я вспоминала, как он был мне близок, как был похож на меня, а сейчас я видела его пустоту. Он молчал. Мы больше не были похожи. Жалкое подобие человека. Оболочка. Он сотрясался, пытаясь удержать меня. Я всучила ему одно из писем, которые писала, когда он меня бросил:

“Чтобы ненавидеть тебя нужно много сил, но я не устану. Пусть ненависть разрушит меня, разрушит все вокруг и

больше – пусть она разрушает города и страны, я готова терпеть, если только плод моих усилий хоть на немного содрогнется от моей ненависти. Я знаю, месть – это плохо, но я хочу, чтобы ты чувствовал эту боль. Чувствовал себя ничтожным, несчастливым и никому не нужным. Хочу видеть твои слезы, как ты задыхаешься от своей душевной муки, как твоя ничтожная трусость не позволяет твоим страданиям закончиться и выстрелить себе в полую башку. Твоя внешняя монументальная красота ювелирно скрывает твое внутреннее уродство, но ее попытки оказались тщетными, я раскрыла тебя – ты пуст. Мир твой пуст, твои женщины пусты. Я верю, что ты это почувствуешь, но мне остается лишь молиться об этом.

Любила ли я тебя? Нет. Знала ли об этом тогда? Нет. Ты был пустым сосудом, который я наполнила всем, что у меня было. Без моих фантазий, ты – урод. Ты ведь никак не изменился с самого первого нашего свидания, с самого первого твоего письма, ты сам по себе жалок и нескладен. Но я подарила тебе свой свет в ответ на твои примитивные слова о моей фигуре.”

И вот он стоит под душем, отдаваясь теплой воде. Он остался один.

Надо было тогда завершить начатое, – подумал он, вспомнив, как в двенадцать лет нашел пистолет своего отца, поставил его ко лбу, снял с предохранителя и перевел палец на спусковой крючок. Пуля прошла насквозь.

